

АЛЕКСАНДР МАРЕЙ*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЛАСТИ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Получено: 30.07.2023. Рецензировано: 25.08.2023. Принято: 31.08.2023.

Аннотация: В статье ставится проблема представлений о власти как объекта исторического исследования. Проведя анализ отечественной традиции мышления о власти и представлений о ней, автор подчеркивает, что для русскоязычных исследователей власть, как правило, мыслится как вневременная, аисторичная сущность. Это приводит к тому, что в работах историков все внимание сосредотачивается на анализе властной атрибутики, властных ритуалов и церемоний. При этом игнорируются средневековые теории власти, для отечественных исследователей их подменяет дефиниция, данная Максом Вебером. Автор отмечает, что *власть* и *представления о власти* обладают различной природой: в то время как *власть* сама по себе имеет социально-психологическую природу, понятие власти и представления о ней имеют природу социально-лингвистическую. Это означает прежде всего, что они возникают в языковой среде, в ней живут и развиваются. Соответственно, изучение представлений о власти без пристального внимания к языку эпохи и к существовавшим тогда дискурсивным модальностям мышления о власти будет заведомо неполным и не принесет удовлетворительных результатов. В заключительной части статьи автор предлагает пути для преодоления сложившейся ситуации. Главным образом речь идет о необходимости усилить внимание к дискурсивным моделям разговора о власти, принятым в ту или иную эпоху. Обращение к языку подразумевает в данном случае детальный анализ существующих теоретических построений о власти, созданных в рассматриваемую эпоху. Лишь после этого кажется легитимным обращение к анализу церемоний, ритуалов и символов.

Ключевые слова: власть, представления о власти, медиевистика, гипотеза Сепира – Уорфа, Макс Вебер, российская гуманитарная наука.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-152-173.

Понятие «представления о власти» весьма часто встречается в заглавиях различных исторических (и, шире, гуманитарных) исследований.

*Марей Александр Владимирович, к. ю. н., старший научный сотрудник ЦПСИ ИОН РАНХиГС, marey-av@ranepa.ru, ORCID: 0000-0001-6185-0453.

** © Марей, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

Меняются конкретные данные — исторические периоды и регионы, иногда даже отдельные люди, — но это понятие остается вроде бы одним и тем же. Подобные заглавия, как правило, не вызывают вопросов, прежде всего потому, что по умолчанию предполагается, будто всем известно и понятно, что такое «представления о власти». Но если задаться вопросом о том, что это и как их изучать, выяснится, что этот вопрос совсем не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Так, получается, что в отечественной литературе это понятие практически не концептуализировано. Причем проблема оказывается двоякой: с одной стороны, среди различных исследователей нет согласия относительно того, что должно пониматься под словом «власть», с другой же, лишь немногие авторы проговаривают, что именно они понимают под словом «представления». Во многом это объясняет структуру последующего размышления: первая его часть посвящена краткому анализу отечественной традиции мыслить о власти и представлениях о ней, затем следуют размышления методологического характера о том, как, по моему мнению, должны строиться подобные исследования, и завершают все краткие выводы.

В русском языке понятие власти обладает весьма широким спектром значений, что делает разговор о нем более сложным. Единое конвенциональное определение власти, к которому обращались бы исследователи, желающие работать с ним, отсутствует, представители разных областей гуманитарного знания трактуют власть по-разному, зачастую *ad hoc*. Философы видят в нем одно, политологи и антропологи — другое, историки, как правило, третье, что в принципе заставляет задаваться вопросом о том, можно ли пользоваться понятием «власть» как техническим термином при исследовании или следует предпочитать ему различные синонимы, определяемые каждый раз ситуативно. Спасением могло бы стать обращение к переводной традиции, но и здесь в силу отсутствия единого понятийного поля дела обстоят совсем не так хорошо, как хотелось бы. Если все же попробовать суммировать существующие в русскоязычной науке трактовки понятия власти, то их с известной условностью можно свести к двум: волевой и когнитивной.

В рамках первой из них власть трактуется как явление волевой природы — эта трактовка восходит к известной формуле Макса Вебера и ее интерпретациям как в континентальной, так и в англосаксонской традициях. Такой способ понимания власти характерен преимущественно для авторов учебных пособий и энциклопедических словарей по политологии, антропологии и философии (то есть для того рода изданий, где по

идее должно содержаться некое принимаемое всеми по умолчанию знание). Альтернативой же выступает фактический отказ от собственного определения власти в пользу более или менее авторитетной подборки переводных определений, принадлежащих, как правило, представителям англосаксонской и изредка французской политологических школ (Голосов, 2001: 35–38; Крадин, 2004: 87–90; Мельвиль и др., 2004: 59–64, 559). Впрочем, в обоих случаях акцент обычно ставится на сути власти как возможности заставить одного человека поступать согласно воле другого. Разве что для политических антропологов (Л. Е. Куббель, Н. Н. Крадин) более характерна приверженность классической формуле власти, предложенной Максом Вебером (Weber, 1985), для политологов (А. Ю. Мельвиль, Г. В. Голосов и др.) — определению, данному Робертом Далем (Dahl, 1957).

В рамках этой — волевой — парадигмы строился практически весь советский и постсоветский дискурс о власти. Одним из его основоположников стал Н. М. Кейзеров, отметивший в монографии 1973 года, что власть с марксистско-ленинских позиций определяется как «волевое отношение», в рамках которого ее носитель обеспечивает «выявление и доминирование властной воли» (Кейзеров, 1973: 16). Аналогичную трактовку предложили десятью годами позднее Ф. М. Бурлацкий, написавший статью о власти в «Философскую энциклопедию», и Н. И. Осадчий, посвятивший феномену власти свою докторскую диссертацию (Осадчий, 1983). В ряде работ 90-х годов прошлого столетия можно заметить уменьшение глубины анализа и отказ от концептуализации основных понятий: исследователи либо просто ограничивали себя постулированием волевого характера власти (Аникевич, 1986; Гвоздкова, 1990; Плотникова, 1996; Хомелева, 1996), либо же, как автор печально знаменитого «Кратологического словаря», подменяли рефлекссию о власти потоком эмоций с легко предсказуемым итогом (Халипов, 1997).

В нынешнем столетии волевая концепция власти была развита в работах В. Г. Ледяева и А. Ф. Филиппова, которые вывели разговор о власти на качественно иной уровень по сравнению со всеми предшествующими исследованиями. В своей монографии «Власть: концептуальный анализ», созданной на основе одноименной докторской диссертации, В. Г. Ледяев определял власть как «способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями» (Ледяев, 2001: 268). Ледяев отделял власть от господства, разводя эти два понятия и давая им самостоятельные определения, а также от авторитета.

При этом если господство и власть мыслятся им как автономные концепты (и соответствующие им явления), то авторитет он воспринимает как одну из форм власти, с чем я не соглашаюсь и что я оспариваю в книге, посвященной понятию авторитета (Ледяев, 2001: 273; Марей, 2017). В основе концепции В. Г. Ледяева лежат идеи англосаксонской и отчасти французской традиций мысли о власти, что, несомненно, сближает ее с теоретическими построениями ряда упомянутых выше исследователей: от Н. М. Кейзерова до Л. Е. Куббеля, Н. Н. Крадина и Г. В. Голосова.

Логическим развитием и на сегодняшний день апогеем волевой теории власти в русскоязычной литературе следует считать исследования А. Ф. Филиппова. На настоящий момент они еще далеки от завершения, но ряд сделанных им высказываний уже позволяет отметить несколько существенно важных черт его восприятия феномена власти. Во-первых, это, несомненно, его трактовка власти как

отношения между людьми, которое наиболее внятным образом проявляется в виде повеления, которому соответствует, на стороне повинующегося, подчинение. Повеление и повиновение произвольны, воля есть с обеих сторон. Власть — это не событие повеления, а возможность, ожидание того, что подчинение будет иметь место, если состоится приказ (Филиппов, 2016).

Нельзя не отметить внешнего сходства этой дефиниции с определением, приводимым в Толковом словаре Д. Н. Ушакова и перешедшим оттуда в некоторые из названных выше исследований. Но нельзя и не заметить того, что это сходство лишь внешнее, так как исследование А. Ф. Филиппова, безусловно, представляет собой одно из самых глубоких в отечественной мысли проникновений в суть феномена власти.

Во-вторых, следует отметить, что, по мнению А. Ф. Филиппова, теория власти всегда имеет подчеркнуто историчный характер, то есть возникает и развивается лишь тогда, когда на нее появляется запрос со стороны общества или, по крайней мере, его образованной части (там же). Этот постулат, в свою очередь, легитимирует ограничение материала, привлекаемого автором для построения своей концепции. Как и названные выше исследователи, А. Ф. Филиппов не использует наследия античной и средневековой политико-правовой традиции. Однако в отличие от многих остальных авторов он отдает предпочтение не современной англо-американской традиции, а раннемодерной мысли о власти, персонализируемой Томасом Гоббсом. Вторым автором, безусловно важным для концепции А. Ф. Филиппова, следует назвать Макса Вебера (в чем он, разумеется, сближается с представителями

политической антропологии). Близость Вебера сказывается прежде всего в четком разделении, которое А. Ф. Филиппов тщательно проводит между понятиями мощи (нем. *Macht*), господства (нем. *Herrschaft*), авторитета (нем. *Autorität*) и насилия (нем. *Gewalt*), представляющими разные грани власти, но не исчерпывающими всего ее содержания.

Любопытно, что в понимании власти не как «события повеления», но как «ожидания и готовности», с одной стороны, повелевать, с другой же — подчиняться теория А. Ф. Филиппова сближается со второй, *когнитивной*, трактовкой власти, представленной в отечественной литературе работами Е. С. Алексеенковой и ее учителей: А. М. Салмина, В. М. Сергеева и А. С. Кузьмина. В статье 2006 года Е. С. Алексеенкова вводит достаточно интересное различие между властью, структурным насилием и насилием обыкновением. Она определяет власть как

механизм ограничения свободы индивида, являющийся легитимным и легальным, насилие как нелегальное и нелегитимное ограничение свободы индивида, а структурное насилие как легальное, но нелегитимное ограничение свободы индивида (Алексеенкова, 2006: 8–9).

Основной критерий различения между властью и насилием — сочетание легальности и легитимности, что, по всей видимости, указывает на концепцию Макса Вебера как основной источник вдохновения для авторов *когнитивной* трактовки власти. Отличает же эту концепцию от классической волевой убеждение автора в том, что

восприятие и типологизация субъектом тех или иных действий по отношению к нему со стороны другого субъекта взаимодействия как отношений власти, насилия или структурного насилия основаны на когнитивной картине мира субъекта, то есть на элементах культуры

и, соответственно, что

власть является властью только тогда, когда она опирается на поддерживающую ее когнитивную структуру, формирующую доверие объекта власти к субъекту власти (там же: 9–10).

Таким образом, автор презюмирует, что ключевой элемент отношения власти — это признание подвластным за властвующим некоего знания, умения или права управлять им. Очевидно, что когнитивная трактовка власти легко находит свое место внутри большой теории Макса Вебера, стоит лишь сместить акцент во властвовании с *господства* на *авторитет*, с силы на признание. Очевидно также, что она, наравне с волевой концепцией, по сути своей является порождением современного общества

и оказывается способной объяснить лишь властные отношения внутри него. Генетически же когнитивная трактовка восходит к теоретическим построениям Франсиско де Витории (1487–1546), утверждавшего, что власть создается сочетанием трех факторов: возможности к действию, неким превосходством и *авторитетом*, то есть признанием со стороны подвластного за властвующим права и возможности править¹.

Парадоксально, но факт: среди приведенных выше точек зрения на природу власти нет ни одной, которая была бы сформулирована профессиональным историком. Может даже возникнуть впечатление, что историки намеренно избегают формулирования подобных определений и концепций как чуждых своей специальности. Возможно, подобное впечатление будет даже и не так далеко от истины. Ограничение объекта изучения по времени и пространству типично для любого квалифицированного исторического исследования. Историк, что очевидно, работает с определенными источниками, происходящими из того или иного региона, укорененными в конкретном историческом периоде. Это, в свою очередь, приводит к четкой локализации выводов, получаемых исследователем, и создает иллюзию их замкнутости, а точнее разомкнутости одного относительно другого. Попытки преодоления подобной разомкнутости, выстраивания рядов сопоставлений, с одной стороны, признаются необходимыми для историков, занимающихся проблемами политического символизма (и, шире, политической истории и истории власти как таковой), с другой же, подчеркивается риск утратить видение индивидуального, увлекшись поиском общего (в чем иногда историки упрекают своих соседей по цеху — антропологов) (Бессмертный, 1995: 8–10; Бойцов, 1995: 37; Бойцов, 2009: 18). Полагаю, что именно эта боязнь широких обобщений и стала одной из причин малого внимания, уделяемого отечественными медиевистами работе с абстрактными понятиями, такими как «власть», и, как следствие, сужения исследовательского взгляда, перевода его с «власти» как таковой на какую-либо из ее граней или какое-либо из ее внешних воплощений. Возможно, свою роль играет и распространенное убеждение, что работа с абстрактными понятиями и сущностями будто бы более подобает философу, нежели историку, добычей которого оказываются в основном «отдельные факты».

¹О концепции Франсиско де Витории см., например, его лекцию о гражданской власти и вступительную статью к ней, а также мою книгу: де Витория, Марей, 2013; Марей, 2017.

Между тем в среде отечественных медиевистов, как и в среде философов, мода на изучение политической власти (и представлений о ней) появилась в первой половине 90-х годов прошлого столетия и в должной мере гармонично развивается вплоть до сегодняшнего дня. Знаковой для этих исследований точкой стал выход альманаха «Одиссей» за 1995 год. Первая рубрика выпуска носила заглавие «Представления о власти» и открывалась программной статьей Юрия Львовича Бессмертного под названием «Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории» (Бессмертный, 1995). Статья эта важна для данной работы по двум причинам. Во-первых, Бессмертный — едва ли не единственный среди отечественных историков, обращавшихся к этой проблематике, — проводит разделение между *властью* как таковой и *способом властвования*, а также предлагает выделить отдельную категорию *социокультурного способа властвования*. Причем в этом случае более важным представляется не введение исследователем новой категории, а сам факт проводимого им первого концептуального разделения, поскольку оно необходимо для любого дальнейшего разговора о власти. Во-вторых, Ю. Л. опять-таки первым среди всех подробно описал в статье, что именно он имеет в виду под *представлениями о власти*. Согласно ему,

к наиболее важным аспектам социокультурных представлений о власти можно было бы отнести следующие: своеобразие восприятия отдельными индивидами или группами тех или иных властных институтов; оценка этих институтов в сознании отдельных субъектов и групп (включая «политические мифы», присущие массовому сознанию); престиж власти, как выражение меры согласия современников на подчинение ей; признанные теми или иными современниками и самой властью средства и формы обеспечения ее престижа; принятые (и не принятые) формы взаимоотношений между властью и разными группами подвластного населения (там же: 16).

К сожалению, коллеги, впоследствии писавшие (и пишущие) о «представлениях о власти» в тот или иной период в том или ином регионе мира, практически игнорируют это определение, предложенное Бессмертным. Очень показательным в данном случае примером служат две связанные между собой монографии Д. Н. Старостина, посвященные формированию представлений о власти в Королевстве франков при династии Меровингов (Старостин, 2017a,b). Обе книги представляют собой фундаментальные, интересные, глубокие исследования, центрирующиеся на изучении социально-политической истории Королевства франков

в контексте теории романо-германского синтеза. Но ни в одной из них нет ни обращения к приведенному выше пассажи Ю. Л. Бессмертного, ни собственной попытки автора концептуализировать представления о власти.

Что объединяет между собой оба теоретических построения Ю. Л. Бессмертного, помимо того, разумеется, что они представляют собой части одной статьи? Прежде всего то, что в обоих своих высказываниях автор даже не уходит, а подчеркнуто дистанцируется от определения понятия *власти*, да и от самого этого понятия. Его отличие от многих других коллег-историков — в том, что делает он это вполне осознанно, разделяя *власть* и *властвование*, и, признаваясь себе и своим читателям в том, что он занимается изучением второго, оставляет первое в стороне. В этом смысле любопытно, что *представления о власти* в его интерпретации становятся представлениями о *властных институтах*, то есть не о неких абстракциях, а о том, что можно увидеть глазом, с чем можно столкнуться в повседневной жизни.

Весьма любопытным пассажем открывается и еще одна статья, включенная в этот раздел «Одиссея» за 1995 год, — я говорю о знаменитом «Скромном обаянии власти», написанном Михаилом Анатольевичем Бойцовым. Начиная статью, автор отмечает, что,

когда речь заходит об облике власти в Средние века, разговор сводится чаще всего к одному из следующих вопросов. Либо на первом плане оказываются материальные «знаки власти» — инсигнии, либо историк занимается реконструкцией представлений о королевской власти ученых юристов или же, напротив, безграмотных простолодинов, либо его внимание привлекает юридическое содержание исключительных по своей значимости церемониально-правовых актов, таких, например, как коронации или погребения монархов (Бойцов, 1995: 37).

Здесь обращают на себя внимание сразу два аспекта. Первый виден буквально из заголовка статьи: называя свою работу «Скромное обаяние власти», М. А. Бойцов словно намекает, что речь в ней пойдет о внешнем облике власти, то есть о *властителях*, а не о *власти*, ведь у нее самой нет ни облика, ни обаяния. Второй аспект привлекает к себе внимание при внимательном прочтении приведенной выше цитаты. Выделяя возможные сценарии изучения «облика власти», Бойцов останавливается на изучении материального оформления *властвования* и на юридическом обосновании этого оформления. В качестве третьего возможного сценария он отмечает *реконструкцию представлений о власти* либо

юристов, либо т. н. «безмолвствующего большинства». Оставляя в покое тот факт, что он зачем-то сводит эти две группы в один сценарий (хотя представляется очевидным, что это две совершенно разных с точки зрения методологии стратегии исследования), отмечу: М. А. словно нарочно обходит вниманием весьма значимый пласт источников, позволяющих изучать средневековые теории власти, причем совсем необязательно королевской, — трактаты не только юристов, но и богословов. Привлекает к себе внимание и то, что, указав эти три возможных пути исследования, М. А. Бойцов в дальнейшем не возвращается к изучению теоретических конструкций, концентрируя свое внимание на символике политически окрашенных церемоний.

Наконец, в том же номере вышла небольшая статья Арона Яковлевича Гуревича, в которой он ответил на разобранный выше пассаж из статьи М. А. Бойцова. В начале этого небольшого текста, озаглавленного «Нескромное обаяние власти...», А. Я. Гуревич сделал ценное методологическое замечание, к подробному комментарию которого я еще вернусь во второй части статьи. Отметив, что

проблема власти, проблема ее роли в общественном развитии и вместе с тем проблема рассмотрения власти в контексте социально-культурной жизни в свете представлений о властителе, об инструментах власти, о ее природе имеет огромное значение,

он обратил внимание на то, что при исследовании этих проблем нужно брать «критерии, которые были внутренне присущи людям интересующей нас эпохи» (Гуревич, 1995: 67, 68). Здесь опять читатель сталкивается с тем же уходом в сторону, который был уже отмечен применительно к статьям Бессмертного и Бойцова: Гуревич ограничился утверждением о несомненной важности исследования проблемы власти и представлений о ее природе, но дальше к этим проблемам уже не вернулся.

Впрочем, отношения с понятием власти у А. Я. Гуревича не сложились не только применительно к этой небольшой статье. Даже в наиболее, пожалуй, известной его работе, то есть в знаменитых «Категориях средневековой культуры», он не выделяет власть в качестве отдельной категории. Время, пространство, право, труд и богатство — да; но не власть, и это очень показательно. Продолжилось это и позднее, когда уже в нынешнем столетии А. Я. Гуревич выступил редактором-составителем «Словаря средневековой культуры». В этом издании есть статья «Власть правителя», к которой я еще обращусь чуть позже,

но нет статьи «Власть» или хотя бы «Власть в средневековой культуре». Подобное умолчание могло бы показаться случайным, но оно таким, по всей видимости, не было.

Анализ высказываний о власти отечественных медиевистов был бы неполон без привлечения к нему публикаций Нины Александровны Хачатурян, под руководством которой в МГУ на протяжении многих лет работала исследовательская группа «Власть и общество». Казалось бы, в исследованиях членов этого коллектива и уж тем более самой Н. А. Хачатурян просто обязательно должно было найтись место для определения власти. Однако реальность, как это часто бывает, оказывается сложнее ожиданий. В 2008 году вышла программная работа Н. А. Хачатурян, книга под названием «Власть и общество в Западной Европе в Средние века» (Хачатурян, 2008). В ней, как отметила в предисловии автор, оказался собран материал, не вошедший в ее предшествующие монографии, «но существенно дополняющий и развивающий их содержание по результатам творческого поиска, проводимого главным образом в 90-е годы XX в. и в начале нынешнего тысячелетия» (там же: 6). Первая часть этой книги, озаглавленная «Теория и социология власти», как раз и содержит несколько важных высказываний, на которые необходимо обратить внимание.

В первой из двух статей, включенных ей в этот блок, Н. А. Хачатурян много рассуждает о «дисперсии власти» в средневековом обществе, о «механизмах и условиях реализации власти», но собственно понятие «власть» определяется ей лишь единожды. Она мыслит его как

качество, связанное с эволюцией земельной собственности, которая является в конечном счете источником ее конституирования (там же: 10).

Здесь привлекают внимание два момента: во-первых, *власть* осмысляется даже не как *взаимоотношение*, но как *качество взаимоотношений*; во-вторых, замечание об эволюции земельной собственности выдает в Н. А. Хачатурян убежденного сторонника марксистско-ленинского подхода к анализу истории, видящего безусловный примат материального над духовным и в данном случае над правовым. При такой расстановке акцентов у *власти* (в отличие от *властителей*) оставалось предельно немного шансов стать объектом исследования. В самом деле вплоть до конца статьи автор, сделав немало высказываний о *природе власти*, так и не обратилась к тому, а чем, собственно, является эта самая *власть*. Вторая статья в рассматриваемой книге, несмотря на

предельно интригующий подзаголовок «Морфология понятия власти», практически ничего не добавляет к уже сделанным наблюдениям.

В ее самом начале автор заявляет, что она пытается поставить проблему взаимоотношений духовной и светской властей в Средние века в контекст «сопоставительного социологического анализа самого явления „верховой власти“» (Хачатурян, 2008: 14). К утверждению про социологический анализ стоит концевая сноска, обратившись к которой можно увидеть, на какие авторитеты автор опирается в своем суждении. Совершенно, увы, неудивительно увидеть там работы Макса Вебера. Отсылка к веберовскому тезису о расколдовывании мира звучит и в самом тексте статьи — несколькими страницами позже. На той же самой первой странице, но парой строк ниже автор определяет содержание понятия власти как *реальное доминирование*, а еще через страницу, возвращаясь к этой мысли, добавляет, что политическая власть претендует на «могущество, точнее на доминацию в мире» (там же: 15). Помимо этих высказываний, можно обратить внимание на еще одно, как представляется, гораздо более важное, но оставшееся проходным для автора суждение. Рассуждая о единстве и разделенности духовной и светской властей, Н. А. Хачатурян характеризует светскую власть как ту, которая *регулирует и гарантирует существование человеческого сообщества*, но никак, увы, не развивает этот тезис. А ведь он, пожалуй, мог бы считаться единственной интуицией автора, основанной на ее знании средневековых текстов.

В том же русле, что и ее учитель Н. А. Хачатурян, работает сейчас одна из наиболее известных современных отечественных специалистов по истории средневековой Франции — Сусанна Карленовна Цатурова. Обе ее монографии — и «Офицеры власти», вышедшая в 2002 году, и «Формирование института государственной службы во Франции», опубликованная в 2012 (Цатурова, 2002; 2012), — посвящены проблемам политической истории, в обеих обращение к темам политической власти совершенно неизбежно. Первая из двух книг даже открывается параграфом со многообещающим названием «Тайна власти». Однако в нем речь идет не о феномене *власти* как таковой или о ее теории, но о «связи целей, принципов и риторики власти с общественным обликом ее служителей» (Цатурова, 2002: 7). Причем автор отдельно (и очень подробно) объясняет, что речь идет об устанавливавшемся тогда во Франции государстве и о чиновниках как о его служителях. То есть объектом исследования в обоих случаях становилась не сама власть, но, прибегая к терминологии Ю. Л. Бессмертного, *властные институты*.

Таким образом, практически все отечественные медиевисты, обращавшиеся к проблематике власти в средневековом мире, ограничивали свое исследование, во-первых, конкретным регионом и временным периодом, а также, во-вторых, изучением какой-то отдельной грани властных институтов или властных отношений — чаще всего той, которую принято называть «репрезентацией власти» или «политическим символизмом»². Причину этого, как представляется, достаточно точно указала упомянутая выше Н. А. Хачатурян, отметившая, что

культурно-психологическое измерение политической истории выдвинуло, в частности, на первый план... проблему репрезентации власти, т. е. демонстрации ее силы и могущества, величия и исключительности (Хачатурян, 2008: 23).

Более того, можно отметить, что в отдельных наиболее ярких случаях само понятие власти напрямую отождествляется с ее репрезентацией. Так, например, Олег Валентинович Ауров в относительно недавно опубликованном исследовании, посвященном анализу королевской власти у вестготов, заявлял, что

ныне, в эпоху всеобщего господства PR-технологий, кажется, уже нет смысла доказывать очевидную истину: власть — это в первую очередь образ, утвержденный и поддерживаемый в общественном сознании. Именно поэтому репрезентация власти — ключевое условие ее бытия: там, где власть не обозначена символически, она как бы и не существует, и, наоборот, там, где присутствует символ, власть проявляется как бы сама собой (Теология и политика, 2017: 40).

Если же случается, что медиевисты все-таки прибегают к определению власти, они, как правило, используют одну из классических формулировок, относящихся к описанной выше волевой концепции. Классический пример подобного — статья «Власть правителя», написанная М. А. Бойцовым для названного выше «Словаря средневековой культуры». Открывая статью, Бойцов определяет власть как

комплекс разнообразных межчеловеческих отношений, приводящих к разделению отдельных личностей, групп людей, организаций или сообществ способностью навязывать свою волю другим и управлять их действиями,

²О понятии «политический символизм», его отличии от «репрезентации власти», «политической символики» и т. д. см. ставший уже классическим анализ М. А. Бойцова во введении к его «Величию и смирению»: Бойцов, 2009: 13–21.

применяя при необходимости те или иные формы принуждения (Бойцов, 2003: 78).

Будучи, безусловно, верным, данное определение обладает одним серьезным пороком: оно порождено современной культурой и, что естественно, описывает восприятие власти, характерное для Нового времени и современности. Соответственно, принимая его за основное, автор вынужденно смотрит на власть средневекового правителя через современную оптику и видит в ней не то, что видели люди Средних веков. Несколькими страницами ниже Бойцов, завершая краткий обзор средневековой властной терминологии, утверждает:

Приведенный обзор показывает, что современный исследователь, пытаясь проследить особенности «власти» в Средние века, тем самым разыскивает в прошлом явление, заведомо неизвестное в качестве такового людям Средневековья. Не учитывая этого при реконструировании средневековых теорий власти и массовых представлений о ней, легко допустить анахронизмы и навязать людям прошлого взгляды, совершенно им чуждые (там же: 81).

Представляется, что в данном случае М. А. несколько противоречит сам себе: люди Средневековья, безусловно, имели свои представления о том, что такое *власть* (пусть и называли они ее на латыни разными словами), но столь же безусловно, что их представления никак не коррелировали с теоретическими конструкциями Макса Вебера...

Подводя промежуточные итоги, можно выделить несколько общих точек, позволяющих говорить о рефлексии власти на постсоветском пространстве как о едином культурном феномене.

Во-первых, власть в этом дискурсе трактуется либо как «многомерная, неопределенная и размытая проблема, которая будет постоянно зависеть от наблюдателя» (Вестов, 2010: 84; со ссылкой на: Мшвениерадзе и др., 1989: 132), либо чаще как интересубъектное отношение, обладающее теми или иными характеристиками. Незыблемым остается и тезис о ее субъективной природе и принадлежности сугубо человеческому сообществу. Подобное ограничение может быть объяснено тем, что в основу современного знания о власти кладется система знания современной эпохи. Самым ранним автором, привлекаемым исследователями, становится Томас Гоббс, творивший, как известно, в середине XVII столетия. Некоторые авторы при этом апеллируют еще и к классическому греческому знанию от Гесиода до Аристотеля (Мельвиль и др., 2004: 59–60), но эти отсылки выглядят вторичными и не несут в себе принципиального значения для авторских концепций.

Объяснить это можно тем, что, с одной стороны, вся система современного гуманитарного знания, выстроенная на идеалах эпохи Просвещения, подразумевает, что то знание, о котором стоит говорить, создавалось либо в Античности, либо уже в Новое время, тогда как в Средние века наблюдался глубокий провал. Данная презумпция начала пересматриваться и подвергаться критике как в России, так и за рубежом лишь в последние два–три десятилетия. Однако подобные процессы всегда долговременны, и ждать быстрого изменения парадигмы гуманитарного знания, разумеется, не приходится.

С другой стороны — и эта причина имеет более приземленный характер, — отечественный дискурс о власти во многом строится на основе доступной иностранной литературы: как переводной, так и оригинальной. Если даже бегло проанализировать массив переводов политической и политико-философской литературы за последние 30 лет, легко можно увидеть, что среди нее категорически преобладают труды если не наших современников, то классиков политической и философской мысли XX века. Качественных же переводов источников более раннего времени, в особенности средневековых, на русском языке практически нет.

Во-вторых, власть, которая, как многие другие понятия, является сугубо исторической — и историчной — категорией, по всей видимости, мыслится многими отечественными гуманитариями как вневременная и аисторичная константа. Особенно пугающе это выглядит на примере работ историков, которые по определению пишут о тех или иных феноменах исторического процесса. Вероятно, именно эта мыслимая вневременной природа власти и отталкивает историков от ее изучения, поворачивая их в сторону истории *властных институтов, способов властвования и представлений о власти*. Беда, однако же, в том, что изучение этих, безусловно, важных вещей оказывается неполным без исследования той самой природы власти, о которой упоминают многие из названных исследователей, но которую не изучает практически никто. О том, почему подобная ситуация вообще стала возможной, стоило бы провести отдельное исследование, я же ограничусь здесь лишь двумя краткими предположениями.

Прежде всего, необходимо понимать, что представления о власти, как и само понятие власти, принадлежат к интеллектуальной истории или, шире, к сфере идей, а значит, формируют часть должного, а не сущего. Их изучение в первую очередь составляет важную часть предмета истории политической и правовой мысли, а уровень развития этой

дисциплины в российской науке, увы, оставляет желать много лучшего. Затем — и это второе замечание во многом развивает и дополняет первое — нужно обратить внимание на то, что можно назвать бэкграундом (или даже анамнезом) отечественной гуманитаристики. Не только у всех российских исследователей старшего поколения, перечисленных в этой статье, но и у многих более молодых, в том числе работающих сейчас, можно отследить остаточное (или *следовое*) влияние марксизма в его марксистско-ленинском изводе. Для марксизма же характерно как раз вневременное, аисторичное понимание власти. Именно этим соображением объясняется столь сильное расхождение между российской (русскоязычной) и условно «европейско-американской» научными школами по вопросу о власти и представлениям о ней. Для наших западных коллег естественной частью профессионального формирования оказывается латентное — *следовое* — влияние христианства в его католической или протестантской версиях. Для христианской же мысли власть исторична всегда, в основе мысли о власти лежат слова апостола Павла, экзегеза Августина на книгу Бытия и тому подобные тексты.

Как говорит известная поговорка, *критикуя — предлагай*, поэтому в последней части статьи я позволю себе кратко изложить свои размышления относительно возможных путей исправления ситуации, сложившейся вокруг изучения как понятия *власти*, так и *представлений о ней*. Начну с двух коротких соображений, увязывающих эту часть статьи с предшествующими ей короллариями. Прежде всего нужно ввести различие между *властью* как явлением или феноменом, с одной стороны, и *понятием власти и представлениями о власти* как когнитивными фигурами — с другой. *Власть*, как неоднократно отмечали исследователи, представляет собой феномен социальной жизни в самом широком понимании этой сферы. Она встречается в любом сообществе людей, и нет никаких оснований предполагать, будто власти не существовало у примитивных народов или среди первобытных людей. Известны также исследования о природе иерархии и власти в сообществах животных, например обезьян (см. исследования Станислава Дробышевского прежде всего). Таким образом, *власть* сама по себе имеет природу *социальную и психологическую* (или даже биологическую) и принадлежит к сфере *сущего*, она может изучаться с применением самого разного инструментария, однако, как правило, *здесь и сейчас* — в сообществах, современных исследователю.

Напротив, понятия *власти и представлений о власти* относятся, как уже говорилось, к сфере *должного*, то есть их нет в реальном, вещном

мире, но они существуют в мире идей и представлений. С *властью* как таковой их объединяет их социальная природа: ясно же, что и понятие власти, и представления о ней рождаются и действуют лишь в человеческом сообществе, а сами по себе, или вне социального, они не существуют. Но если власть как таковая имеет, как было сказано, природу *социальную* и *психологическую*, у понятия власти и представлений о ней природа *социальная* и *лингвистическая*, ведь они формируются благодаря языку и живут только там, где живет язык. Собственно, именно в этом — в различении между *социально-психологическим* и *социально-лингвистическим* — и заключается основное отличие *власти* от *понятия власти* и от *представлений о власти*.

Если принять это различие как методологическую основу, становится более ясно, что применительно к изучению представлений о власти прекрасно работает гипотеза лингвистической относительности, известная также как гипотеза Сепира — Уорфа³. Как отмечал Эдвард Сепир:

Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают, они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества (Sapir, 1931; цит. по: Уорф, 1999: 58).

Собственно, о том же, но несколько иными словами писали Дж. Лакофф и М. Джонсон в знаменитой книге «Метафоры, которыми мы живем»:

...концепты структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям. Тем самым наша концептуальная система играет центральную роль в определении реалий повседневной жизни (Лакофф и Джонсон, 2004: 25).

То есть для того чтобы мочь квалифицированно говорить о представлениях о власти, бытовавших в тот или иной период, в том или ином регионе, необходимо детально изучить тот язык, на котором размышляли о власти люди исследуемых периода и местности⁴.

Следующий и последний в рамках данной статьи шаг заключается в постулировании исторической природы языка. Он формируется и развивается вместе с порождающим его сообществом людей, принимая

³О том, почему не вполне корректно называть гипотезу лингвистической относительности именами Сепира и Уорфа, см. статью В. М. Алпатова в Большой российской энциклопедии (Алпатов, 2023).

⁴Во многом этой же проблематике, хотя и освещаемой несколько с иных позиций, посвящена классическая статья Р. М. Блакара (Блакар, 1987: 99–101).

разные формы на протяжении истории этого сообщества (см., в частности, Кожемякина, 2016). Соответственно, критичным для исследователя представлений о власти становится отказ от привлечения анахроничных, чуждых языку изучаемой им эпохи формулировок описания власти. Замечу, что в данном случае слово «язык» стоит понимать в расширенном смысле, поскольку речь идет не только о самом языке (латыни, например), но и о дискурсивной модели, выбранной автором или авторами для разговора о власти. Об этом говорит, в частности, в своей монографии итальянский исследователь Пьетро Коста, выделивший применительно к французской политической публицистике периода высокого и позднего Средневековья две базовых дискурсивных модели, в рамках которых описывалась власть: теологическую и юридическую (Costa, 1969).

В завершение статьи вернусь к одному из заключений М. А. Бойцова, уже упоминавшемуся выше в этой же работе. По его мнению, лингвистическое и семантическое многообразие имен власти в средневековом мире показывает, что исследователь, изучающий особенности власти в Средние века, «разыскивает в прошлом явление, заведомо неизвестное в качестве такового людям Средневековья» (Бойцов, 2003: 81). Я же полагаю — и это послужит финальным выводом для статьи, — что дело обстоит совершенно не так. Ситуация со множеством слов, использовавшихся для обозначения власти и модусов властвования, указывает, по-моему, лишь на то, что средневековые авторы находились в процессе активного осмысления власти, и это отражалось, в частности, в поисках языка, подходящего для разговора о ней. Для того чтобы родился близкий и понятный людям модерна философский язык, было необходимо длительное и весьма непростое взаимодействие теологического и юридического дискурсов. Лишь медленная, последовательная рационализация теологического языка, сопряженная с таким же медленным процессом становления языка публичного права, дали возможность появления на свет языка европейской политической философии. Поэтому исследования представлений о власти обязательно должны начинаться именно с обращения к языку, с анализа того, как люди исследуемого периода понимали власть, как это понимание отражалось в языке богословов и юристов, как власть звучала в разговорном языке. И только после этого можно с чистым сердцем обращаться к ритуалам, символам и инсигниям.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевкова Е. С.* О когнитивной природе власти (или о том, как соотносятся власть и демократия) // *Полития. Анализ и прогноз.* — 2006. — Т. 23, № 4. — С. 6—21.
- Аллатов В. М.* Гипотеза лингвистической относительности / Большая российская энциклопедия. — 2023. — URL: <https://bigenc.ru/c/gipoteza-lingvisticheskoj-otnositel-nosti-12fc5f> (дата обр. 31 авг. 2023).
- Аникевич А. Г.* Политическая власть : вопросы методологии исследования. — Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1986.
- Бессмертный Ю. Л.* Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // *Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня.* — 1995. — С. 4—19.
- Блакар Р. М.* Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // *Язык и моделирование социального взаимодействия : переводы / под ред. В. В. Петрова.* — М. : Прогресс, 1987. — С. 90—127.
- Бойцов М. А.* Скромное обаяние власти (к облику германских государей XIV—XV веков) // *Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня.* — 1995. — С. 37—66.
- Бойцов М. А.* Власть правителя // *Словарь средневековой культуры.* — М. : РОССПЭН, 2003. — С. 78—91.
- Бойцов М. А.* Величие и смирение : очерки политического символизма в средневековой Европе. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2009.
- Вестов Ф. А.* Некоторые аспекты политико-правовых представлений о власти в XVIII—XX вв. // *Известия Саратовского университета.* — 2010. — № 1. — С. 82—85.
- Витория Ф. де.* Лекция о гражданской власти / пер. с лат. А. В. Мареев // *Социологическое обозрение.* — 2013. — Т. 12, № 3. — С. 52—75.
- Гвоздкова Т. А.* Политическая власть как объект социально-философского анализа : дис. ... канд. ист. наук / Гвоздкова Т. А. — МГУ им. М. В. Ломоносова, 1990.
- Голосов Г. В.* Сравнительная политология : учебник. — СПб. : ЕУ СПб, 2001.
- Гуревич А. Я.* Нескромное обаяние власти // *Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня.* — 1995. — С. 67—75.
- Кейзеров Н. М.* Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. — М. : Юр. литература, 1973.
- Кожесмякина В. А.* Исторические формы языка // *Язык и общество : энциклопедия.* — М. : Азбуковник, 2016. — С. 168—173.
- Крадин Н. Н.* Политическая антропология. — М. : Логос, 2004.
- Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. — М. : УРСС, 2004.

- Ледяев В. Г.* Власть : концептуальный анализ. — М. : РОССПЭН, 2001.
- Марей А. В.* Авторитет или Подчинение без насилия. — СПб. : ЕУ СПб, 2017.
- Мельвилль А. Ю., Алексеева Т. А., Боршшполец К. П.* Политология : учебник. — М. : МГИМО, 2004.
- Мшвениерадзе В. В., Кравченко И. И., Осипова Е. В.* Власть : очерки современной политической философии Запада. — М. : Наука, 1989.
- Осадчий Н. И.* Социально-философский анализ власти как общественного явления : дис. ... канд. филос. наук / Осадчий Н. И. — МГУ им. М.В. Ломоносова, 1983.
- Плотникова О. В.* Власть и формы ее проявления. — Уссурийск : Дальневосточное книжное издательство, 1996.
- Старостин Д. Н.* Между Средиземноморьем и варварским пограничьем : генезис и трансформация представлений о власти в королевстве франков. — М. : Центр гуманитарных инициатив, 2017а.
- Старостин Д. Н.* От поздней Античности к раннему Средневековью : формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (v–viii вв.) — М. : Нестор-История, 2017б.
- Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (v – начало viii в.) : исследования и переводы / сост. О.В. Аурова, Е.С. Марей. — М. : Дело, 2017.
- Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку : пер. с англ. // Новое в лингвистике. Избранное. Перевод с английского, Зарубежная лингвистика. — М. : Прогресс, 1999. — С. 58–91.
- Филитов А. Ф.* Власть. Краткий очерк теории. — 2016. — Рукопись.
- Халипов В. Ф.* Власть. Кратологический словарь. — М. : Республика, 1997.
- Хачатурян Н. А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. — М. : Наука, 2008.
- Хомелева Р. А.* Природа политической власти. — СПб. : Издательство Санкт-Петербургского ун-та экономики и финансов, 1996.
- Цатурова С. К.* Офицеры власти : Парижский Парламент в первой трети xv в. — М. : Логос, 2002.
- Цатурова С. К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV вв. — М. : Наука, 2012.
- Costa P.* Iurisdiction. Semantica del potere politico nella pubblicistica medievale (1100–1433). — Milano : Giuffrè, 1969.
- Dahl R.* The Concept of Power // Behavioral Science. — 1957. — Vol. 3, no. 2. — P. 201–215.
- Sapir E.* Conceptual Categories in Primitive Languages // Science. — 1931. — Vol. 74, no. 578.
- Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. — Tübingen : Mohr, 1985.

Marey, A. V. 2023. "Predstavleniya o vlasti kak ob'yekt istoricheskogo issledovaniya [Ideas about Power as an Object of Historical Research]: k postanovke problemy [Approaches to the Problem]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (3), 152–173.

ALEXANDER MAREY
PHD IN LAW, SENIOR RESEARCHER
CENTER OF PERSPECTIVE SOCIAL STUDIES,
INSTITUTE OF SOCIAL STUDIES RANEPА (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-6185-0453

IDEAS ABOUT POWER AS AN OBJECT OF HISTORICAL RESEARCH APPROACHES TO THE PROBLEM

Submitted: July 30, 2023. Reviewed: Aug. 25, 2023. Accepted: Aug. 31, 2023.

Abstract: The article raises the problem of ideas about power as an object of historical research. After analyzing the Russian humanitarian tradition of thinking about power and ideas about it, the author emphasizes that for Russian-speaking researchers, power, as a rule, is conceived as a timeless, ahistorical entity. Such a thing leads to the fact that in the works of historians, all attention is focused on the analysis of imperious paraphernalia, imperious rituals and ceremonies. At the same time, medieval theories of power seem to be ignored, domestic scholars replace them with the definition given by Max Weber. The author notes that power and ideas about power have a different nature - while power itself has a socio-psychological nature, the concept of power and ideas about it have a socio-linguistic nature. This means, first of all, that they arise in the language environment, live and develop in it. Accordingly, the study of ideas about power without close attention to the epoch's language and the then-existing discursive modalities of thinking about power will be obviously incomplete and will not bring satisfactory results. In the final part of the article, the author suggests ways to overcome the current situation. First, we are talking about the need to increase attention to the discursive models of talking about power, adopted in a particular age. The appeal to language implies, in this case, a detailed analysis of the existing theoretical constructions about power created in the era under consideration. Only after this, it seems legitimate to turn to the analysis of ceremonies, rituals and symbols.

Keywords: Power, Ideas about the Power, Medieval Studies, Sapir-Whorf Hypothesis, Max Weber, Russian Humanitarian Science.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-152-173.

REFERENCES

- Alekseyenkova, Ye. S. 2006. "O kognitivnoy prirode vlasti (ili o tom, kak sootnosyat-sya vlast' i demokratiya) [On the Cognitive Nature of Power]" [in Russian]. *Politiya. Analiz i prognoz [Politeia. Analysis and Forecast]* 23 (4): 6–21.
- Alpatov, V. M. 2023. "Gipoteza lingvisticheskoy otnositel'nosti [Linguistic Relativity]" [in Russian]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya*. Accessed Aug. 31, 2023. <https://bigenc.ru/c/gipoteza-lingvisticheskoi-otnositel-nosti-12fc5f>.
- Anikevich, A. G. 1986. *Politicheskaya vlast' [Political Power]: voprosy metodologii issledovaniya [Methodological Questions]* [in Russian]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta.

- Aurov, O. V., and Ye. S. Marey, comps. 2017. *Teologiya i politika. Vlast', Tserkov' i tekst v korolevstvakh vestgotov (v – nachalo VIII v.)* [Theology and Politics: Power, the Church, and Text in the Visigothic Kingdoms (from the 5th to the Early 8th Century)]: *issledovaniya i perevody* [Research and Translations] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Delo.
- Bessmertnyy, Yu. L. 1995. "Nekotoryye soobrazheniya ob izuchenii fenomena vlasti i o konceptsiyakh postmodernizma i mikroistorii [Some Considerations about Studying of the Phenomenon of Power and about Postmodernism]" [in Russian]. *Odissey. Chelovek v istorii. Kul'turno-antropologicheskaya istoriya segodnya* [Odyssey. The Man in History. Cultural and Anthropological History Today], 4–19.
- Blakar, R. M. 1987. "Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti (teoretiko-empiricheskiye issledovaniya yazyka i yego ispol'zovaniya v sotsial'nom kontekste) [Language as an Instrument of Social Power (Theoretical and Empirical Studies of Language and Its Use in a Social Context)]" [in Russian]. In *Yazyk i modelirovaniye sotsial'nogo vzaimodeystviya* [Language and Modeling of Social Interaction] : *perevody*, ed. by V. V. Petrov, 90–127. Moskva [Moscow]: Progress.
- Boytsov, M. A. 1995. "Skromnoye obayaniye vlasti (k obliku germanskikh gosudarey XIV–XV vekov) [The Discret Charm of Power]" [in Russian]. *Odissey. Chelovek v istorii. Kul'turno-antropologicheskaya istoriya segodnya* [Odyssey. The Man in History. Cultural and Anthropological History Today], 37–66.
- . 2003. "Vlast' pravatelya [The Governor's Authority]" [in Russian]. In *Slovlar' srednevekovoy kul'tury* [Dictionary of Medieval Culture], 78–91. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- . 2009. *Velichiye i smireniye [Grandeur and Humility]: ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoy Yevrope* [Essays on the Political Symbolism in the Medieval Europe] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Costa, P. 1969. *Iurisdictio. Semantica del potere politico nella publicistica medievale (1100–1433)* [Formation of the Institute of Public Service in France of the XIII–XV Centuries] [in Italian]. Milano: Giuffrè.
- Dahl, R. 1957. "The Concept of Power." *Behavioral Science* 3 (2): 201–215.
- Filippov, A. F. 2016. *Vlast'. Kratkiy ocherk teorii* [Power. A Brief Outline of the Theory] [in Russian]. Rukopis'.
- Golosov, G. V. 2001. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Political Science]: *uchebnik* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: YeU SPb.
- Gurevich, A. Ya. 1995. "Neskromnoye obayaniye vlasti [The Undiscret Charm of Power]" [in Russian]. *Odissey. Chelovek v istorii. Kul'turno-antropologicheskaya istoriya segodnya* [Odyssey. The Man in History. Cultural and Anthropological History Today], 67–75.
- Gvozdkova, T. A. 1990. "Politicheskaya vlast' kak ob'yekt sotsial'no-filosofskogo analiza [Political Power as an Object of the Socio-Philosophical Analysis]" [in Russian]. PhD diss., MGU im. M.V. Lomonosova.
- Keyzerov, N. M. 1973. *Vlast' i avtoritet. Kritika burzhuaznykh teorii* [Power and Authority. Criticism of Bourgeois Theories] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yur. literatura.
- Khachatryan, N. A. 2008. *Vlast' i obshchestvo v Zapadnoy Yevrope v Sredniye veka* [Power and Society in Western Europe in the Middle Ages] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Khalipov, V. F. 1997. *Vlast'. Kratologicheskii slovar'* [Power. Kratological Dictionary] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Respublika.
- Khomeleva, R. A. 1996. *Priroda politicheskoy vlasti* [The Nature of Political Power] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo un-ta ekonomiki i finansov.

- Kozhemyakina, V. A. 2016. "Istoricheskiye formy yazyka [Historical forms of Language]" [in Russian]. In *Yazyk i obshchestvo [Language and Society] : entsiklopediya [An Encyclopedia]*, 168–173. Moskva [Moscow]: Azbukovnik.
- Kradin, N. N. 2004. *Politicheskaya antropologiya [Political Anthropology]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Logos.
- Lakoff, G., and M. Johnson. 2004. *Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: URSS.
- Ledyayev, V. G. 2001. *Vlast' [Power]: kontseptual'nyy analiz [A Conceptual Analysis]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- Marey, A. V. 2017. *Autoritet ili Podchineniye bez nasiliya [Authority or Subjection Without Violence]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: EU SPb.
- Mel'vil', A. Yu., T. A. Alekseyeva, and K. P. Borishpolets. 2004. *Politologiya [Political Science]: uchebnik [Textbook]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: MGIMO.
- Mshveniyeradze, V. V., I. I. Kravchenko, and Ye. V. Osipova. 1989. *Vlast' [Power]: ocherki sovremennoy politicheskoy filosofii Zapada [Essays on the Modern Political Philosophy of the West]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Osadchiy, N. I. 1983. "Sotsial'no-filosofskiy analiz vlasti kak obshchestvennogo yavleniya [Socio-Philosophical Analysis of Power as a Social Phenomenon]" [in Russian]. PhD diss., MGU im. M. V. Lomonosova.
- Plotnikova, O. V. 1996. *Vlast' i formy yeye proyavleniya [Power and Forms of Its Manifestation]* [in Russian]. Ussuriysk: Dal'nevostochnoye knizhnoye izdatel'stvo.
- Sapir, E. 1931. "Conceptual Categories in Primitive Languages." *Science* 74 (578).
- Starostin, D. N. 2017a. *Mezhdru Sredizemnomor'yem i varvarskim pograniich'yem [Between the Mediterranean and the Barbarian Frontier]: genesis i transformatsiya predstavleniy o vlasti v korolevstve frankov [The Genesis and Transformation of Ideas about Power in the Kingdom of the Franks]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: TsGI.
- . 2017b. *Ot pozdney Antichnosti k rannemu Srednevekov'yu [Formation of Power Structures and Its Images in the Kingdom of the Franks during the Reign of the Merovingians (v–VIII Centuries)]: formirovaniye struktur vlasti i yeye obrazov v korolevstve frankov v period pravlenniya Merovingov (v–VIII vv.)* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nestor-Istoriya.
- Tsatureva, S. K. 2002. *Ofitseri vlasti [Officers of Power]: Parizhskiy Parlament v pervoy treti xv v. [The Paris Parliament in the First Third of the XV Century.]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Logos.
- . 2012. *Formirovaniye instituta gosudarstvennoy sluzhby vo Frantsii XIII–XV vv. [Formation of the Institute of Public Service in France of the XIII–XV Centuries]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Vestov, F. A. 2010. "Nekotoryye aspekty politiko-pravovyykh predstavleniy o vlasti v XVIII–XX vv. [Some Aspects of Political and Legal Concepts of Power in the XVIII–XX Centuries]" [in Russian]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta [News of Saratov University]*, no. 1, 82–85.
- Vitoria, F. de. 2013. "Lektsiya o grazhdanskoj vlasti [Relectio de potestate civili]" [in Russian], trans. from the Latin by A. V. Marey. *Sotsiologicheskoye obozreniye [The Russian Sociological Review]* 12 (3): 52–75.
- Weber, M. 1985. *Wirtschaft und Gesellschaft [Formation of the Institute of Public Service in France of the XIII–XV Centuries]* [in German]. Tübingen: Mohr.
- Whorf, B. 1999. "Otnosheniye norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language]" [in Russian]. In *Novoye v lingvistike. Izbrannoye. Perevod s angliyskogo, Zarubezhnaya lingvistika [New in Linguistics. Favourites. Translation from English, Foreign Linguistics]*, 58–91. Moskva [Moscow]: Progress.